

И. М. Сапронов

**О «наиболее узком из всех узких мест»
плана Первой пятилетки:
к вопросу о дефиците кадров
и «чистках» на советских заводах**

Историческая канва второй половины 1920-х гг. в СССР была отмечена внутривнутрипартийной борьбой и победой сталинистской линии на строительство социализма в «отдельно взятой стране». Однако при рассмотрении этого периода нередко остаются в стороне от всеобщего внимания те вопросы и те темы, вокруг которых ломались копыя политических оппонентов. Рассмотрение таких отдельных вопросов позволяет более конкретно исследовать внутривнутрипартийную борьбу, устанавливая связи интересов и взаимоотношения различных социальных фракций, составивших сложную материю истории Советской России. Дискуссия о «государственном капитализме», открытая («приоткрытая», если учесть более чем ограниченный ее формат) на XIV съезде ВКП(б) (1925), была дискуссией о природе социальных отношений, имевших место в фабрично-заводском цеху Советской России. «Новые слои, притекающие в наш пролетариат, ставят нам коренной вопрос, — указывал Н. И. Бухарин, — приходя в первый раз на нашу фабрику, они спрашивают: что она такое? <...> Чем отличается наша фабрика от старой? Он [полукрестьянин-полурабочий, вовлекающийся в производство] задает эти вопросы, он болезненно их ставит»¹. Ответ на этот вопрос чрезвычайно актуален.

С марксистской точки зрения завод или фабрика, так же как фрезеровочный станок или паровоз, не является капиталом сам по себе. Характеристики их как материальных предметов (масса, мощность и т. д.) *непосредственно* не зависят от общественного способа их эксплуатации, иными словами, один и тот же паровоз одинаково и в среднем с одной скоростью поедет по рельсам при капитализме и при социализме. Капиталом как таковым материальные предметы становятся при определенных социальных отношениях, обусловленных отношениями собственности к средствам производства. Вопреки расхожим представлениям, отношения собственности отнюдь не тождественны юридическим отношениям в каждый конкретный исторический момент, что и заставляет подходить к данному вопросу аккуратно и предметно.

В контексте разразившегося в 1925 г. спора важно отметить именно то, что в промышленном развитии, вырастающем на почве нэпа, т. е. расширения капиталистического хозяйства в СССР, сталинисты и оппозиционеры видели проявления различных социальных тенденций. В экономическом росте, продемонстрированном И. В. Сталиным в отчетном докладе ЦК, первые видели лишь валовый рост государственной промышленности и торговли, а значит, закрепление успехов «пролетарской диктатуры» и подведение материальной базы для планового производства в рамках «отдельно взятой страны». Не оспаривая зачитанных цифр, вторые отмечали неравномерный характер этого роста, слабо подчиняющегося контролю и программированию со стороны государственных органов. Именно *неравномерность* делала неизбежным пропорциональный рост центробежных тенденций и трения между отраслями, центральными органами и местными экономическими единицами (предприятиями, складами, торговыми точками и т. д.). В результате оппоненты не услышали друг друга: центристы и правые, объединенные политической фигурой генерального секретаря, сосредоточивали внимание на количественных характеристиках экономического развития Советской России, в то время как «оппозиционеры» слева предлагали поразмышлять на съезде о качественном значении этого роста. В 1927 г. XV съезд ВКП(б) только закрепил «цифровой оптимизм» в качестве ведущей государственной идеологии 1/6 части суши Земли.

Первые успехи Первой пятилетки с еще более оптимистичными цифрами, чем прежде, продемонстрировали накопление пресловутой *неравномерности*. В целом экономика Советской России, взявшей курс на ускоренное накопление материальных богатств, может быть представлена как серия диспропорций (дефицитов). В первую очередь необходимо сказать о ключевой формуле, подарившей миру «Советское экономическое чудо»: «решительное **перераспределение народного дохода в пользу накопления**, используя соответствующим образом бюджетные и кредитные рычаги»². В этом смысле дефицит предметов потребления (в том числе продуктов питания) обуславливался потребностями именно ускоренного накопления. Планирование в духе «затянутых поясов» не только вернуло в советский обиход страшное слово «голод», но и вызвало

ускорение крестьянской миграции в направлении индустриальных центров. Урбанизация наполняла фабрично-заводские цеха наемной рабочей силой, и в этом еще более, нежели в чем-либо другом, проявились хозяйственные диспропорции Советской России и «анархия планирования» ее экономики. Как это всегда бывает в годы «экономических чудес» (американского, немецкого, японского, китайского и т. д.), пополнявшие «армию труда» наемные рабочие поступали на завод не в том количестве и не в том качестве, что были необходимы производству.

Дефицит промышленных кадров охватил производственную жизнь СССР в Первую пятилетку: «Наиболее узкое из всех узких мест нашей пятилетки, имеющее вместе с тем большое значение, — писал член ЦКК ВКП(б) А. Кактынь в начале ноября в газете “Правда”, — это **недостаточность кадров**, квалифицированных рабочих вообще и администраторов, руководителей, организаторов, технических и научных кадров в частности. Недостаток кадров мы имеем при одновременном **громадном росте населения**, при всё еще неизжитых **аграрном перенаселении и безработице**, питаемой, главным образом, перенаселением деревни». Новые промышленные корпуса и новые технологии, закупавшиеся за рубежом, требовали перестройки фабрично-заводского аппарата, начиная с цехового уровня и выше, а также налаживания новых производственных цепочек — дела совершенно невозможного без квалифицированных кадров. Пленум ЦК, прошедший в начале ноября 1929 г., постановил, что «темпы подготовки кадров не идет ни в какое сравнение с темпами индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства» и «может стать тормозом дальнейшего успешного развития социалистического хозяйства»³.

Фактически проиллюстрировать накопление дефицита промышленных кадров в промышленности может «Бюллетень по учету труда», составленный по итогам 1931 г. Состав рабочих-металлистов по промышленной переписи 1931 г. свидетельствует, как на протяжении 15 лет, последовавших за Октябрьской революцией, ленинградская промышленность постепенно теряла *нормальные* пропорции между высококвалифицированными, квалифицированными, полуквалифицированными и неквалифицированными кадрами. Если среди рабочих, начавших работать до 1917 г., эти доли распределялись как 6,3–34–42,4–17,3%, то у рабочих, поступивших на производство в первые годы НЭПа, соотношение составляло уже 1–16,8–51,6–30,6%. Двукратное падение долей высококвалифицированных и квалифицированных наемных работников обнаружилось в годы ускоренного роста, зафиксированного XIV съездом ВКП(б): 0,4–8,1–50,2–41,3%. Дно кадрового дефицита было нащупано в 1929 г., когда пропорции стали угрожающими — в этом году цеха пополнили молодые люди (средний возраст 24,2 года), чья квалификация характеризовалась соотношением: 0,1–3–36,5–60,4%. В итоге к 1931 г. доля высококвалифицированных металлистов Ленинграда за время советской власти упала в 3 раза, квалифицированных — в 2 раза, в то время как доля неквалифицированных рабочих

увеличилась более чем в 2 раза⁴. В прочих отраслях советского хозяйства, не отличавшихся высоким уровнем концентрации производства, характерным для металлургической и механической промышленности Северо-Запада, вопрос рабочей силы стоял не менее остро.

По достаточно скромным данным, озвученным на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б), Первая пятилетка требовала 80 тыс. инженеров и 150 тыс. техников. «Наличное количество в промышленности 57 000 инженеров и 55 000 техников не обеспечивает принятого июльским пленумом соотношения инженеров и техников как 2 к 3»⁵, — было отмечено в документах пленума.

Сокращение количества и качества квалифицированной рабочей силы самым непосредственным образом сказывалось на возможности осуществлять централизованный контроль и настройку под плановые задания промышленности. В условиях громадного роста доли неквалифицированной или малоквалифицированной рабочей силы с одной стороны и ускорения темпов производства, освоения новой техники и отлаживания новых технологических процессов с другой, периодические нарушения нормального функционирования промышленного предприятия оказывались попросту неизбежными. Известная многим закономерность: «ответственное» лицо, лишенное практической возможности повлиять на ход возглавляемого им процесса, в момент кризиса превращается в «крайнего». Детали такого падения в «крайность» можно рассмотреть на примере Шахтинского дела и других «экономических кампаний» ОГПУ, ставших символами эпохи наряду с самим планом Первой пятилетки.

Выдвигалось несколько способов преодоления «узкого места» нехватки кадров. Во-первых, «увеличением средств на культурное строительство» добиться расширения образовательной сети, создания новых вузов и техникумов. Во-вторых, компенсировать недостаток специалистов «активизацией широких рабоче-крестьянских масс», т. е. «рабочим выдвиженчеством». Утверждалось, что, «не имея нужных теоретических знаний, но имея зато громадный трудовой опыт, эти массы **коллективно заменяют собой недостающие квалифицированные единицы**, увлекая вместе с тем наличные кадры, заражая их величайшей активностью и энтузиазмом»⁶. Мобилизация рабочих во вузы и техникумы через партию, комсомол и профсоюзы от станка должна была восполнить острый дефицит. Если подходить к вопросу объективно, то нельзя не отметить, что подготовка квалифицированного кадра является долгим делом, опирающимся на *школу*, формирование которой занимает жизнь поколений. Система народного просвещения, построенная в 1920-е гг., годы труднейшего восстановления Советской России после двух войн, не была способна дать промышленности нужные ей десятки тысяч квалифицированных и высококвалифицированных специалистов.

В то же время официальный цифровой оптимизм обуславливал неприятие объективных преград, стоявших на пути выполнения плана. Безотказный политический трюк, проделанный сперва в борьбе с «Объединенной оппозицией»

(Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев), а затем против «правого уклона» (Н. И. Бухарин, А. И. Рыков), заключался в обвинении оппонентов в «маловерии» в успехи «социалистического строительства». После падения бывших вождей осталась без цели истерическая энергия сталинских политических выскочек, и именно этот бюрократический раж со всей силой пал на спецов, породив на рубеже 1920–1930-х гг. настоящее «спецеество».

В сущности, в охоте на «спецов-вредителей» отражалась та же проблема — дефицит кадров, в данном случае — политических и организационных. Не умевшие по-деловому взяться за работу лица прибегали к привычному для себя средству — истерической «левой фразе». Этот факт нашел яркое подтверждение в словах Л. М. Кагановича, произнесенных им на собрании Московского областного актива 21 ноября 1929 г.: «Вредительство — это самое яркое проявление классовой борьбы буржуазии против нас через преданные ей технические кадры. <...> Они ставили своей задачей, проникая в наши планирующие и управленческие органы, так вести работу, чтобы воздействовать на нормальный ход хозяйственно-экономической жизни страны путем создания в ней непрерывных кризисов. Для этого при составлении годовых и более длительных программ они так составляли их, чтобы результатом этого явился непрерывный хозяйственный кризис, переживаемый страной то в одной, то в другой отрасли хозяйства. Вредители не только “проектировали”, они вели разрушительную работу на наших заводах. Они занимались шпионажем в интересах наших врагов»⁷.

Необходимо согласиться с оценкой российского социолога С. А. Чуйкиной, что Первая пятилетка и сопровождавшая ее сталинская культурная революция определили во многих отношениях «переломный момент» в жизни двух поколений. Стремительную урбанизацию и разложение деревни, затронувшие быт десятков миллионов людей «снизу», дополняли изменения на высоких ступенях советской социальной лестницы. В течение нескольких лет произошли массовые «увольнения многих людей “из бывших” <...> во время крупномасштабной чистки партийного и советского аппарата, выселение уволенных в чистках “нетрудовых элементов” из квартир, показательные процессы над “старыми специалистами” — инженерами и учеными, обвинявшимися в саботаже» и т. д.⁸

Советско-партийная чистка широко развернулась осенью 1929 г. В Ленинграде она охватила 877 партколлективов с почти 40 тыс. партийцев. Исключения 5% партсостава как из советских и хозяйственных учреждений, так и с заводов оказалось недостаточно — результаты кампании были подвергнуты жесткой критике Москвы. В статье «Учтем ошибки», вышедшей 6 ноября в «Правде», давалось обещание провести более жесткую проверку, делая нажим на нетрудовые элементы советских органов⁹. Практика партчисток прокладывала путь аналогичным чисткам в промышленном аппарате, начавшимся годом позже¹⁰.

Если обратиться к материалам ленинградского Радиоаппаратного завода им. Козицкого, то можно обнаружить весьма любопытные материалы, касающиеся личного состава предприятия и подготовки его к последовавшим позже «чисткам». Завод им. Козицкого — один из старейших в России. Первые производственные мощности были размещены немецким капиталом («Сименс и Гальске») в Санкт-Петербурге еще в 1853 г., а к 1 января 1917 г. завод являлся одним из крупнейших в стране электротехнических предприятий и использовал наемную рабочую силу 1,5 тыс. человек¹¹. На примере этого завода, в силу его длинной истории и богатой производственной традиции, особенно уместно рассмотреть столкновение «старых» и «новых» явлений жизни.

По указанию правления Электротехнического треста заводов слабого тока, включавших в себя завод им. Козицкого, в августе 1929 г. была сформирована заводская комиссия по списочному составу, в которую вошел директор по труду, представитель завкома, председатель местной контрольной комиссии от заводского коллектива ВКП(б) и секретарь созданной комиссии. Комиссия «просмотрела все штатные должности завода и обсуждала каждую личность в отдельности», составляя списки тех рабочих и специалистов, которых возможно было «вычистить» с завода¹².

Комиссия констатировала, что «должностей, на которые могут быть выдвинуты рабочие, на заводе очень мало, хотя аппарат порядочно так и засорен офицерским составом»¹³. Проблема состояла в том, что квалификация рабочих не позволяла им заместить должности инженерно-технических работников. Восстановление промышленности и ускоренное развитие материального хозяйства, обеспеченное нэпом, обгоняло не только возможности грамотного учета и контроля, доступные для проведения централизованной индустриальной политики со стороны государства. Рост промышленности, загрузки предприятий и товарообмена постоянно требовал наемных рабочих рук, приспособленных к передовым практикам производства и глубокому разделению труда. Иными словами — вслед за развитием индустрии нарастал дефицит квалифицированных кадров. «Большинство ответственных должностей на заводе требуют технических познаний, — сетовали представители комиссии завода им. Козицкого, неловко добавляя далее, — те же должности, которые таковых не требуют, уже в настоящем имеют на своих постах рабочих членов ВКП(б). <...> рабочие выдвиженцы могут занять несколько должностей только по линии ОЭТ и мастеров»¹⁴.

С точки зрения рынка труда Советской России получалась парадоксальная ситуация, сложившаяся к моменту явления так называемого «советского экономического чуда»: рабочие места, требовавшие специальной квалификации, занимали бывшие белые офицеры, а с другой стороны надсмотрщиками, не имевшими специальных познаний в производственном процессе, сплошь оказывались члены ВКП(б)¹⁵. Безусловно, нарисованная документом картина не вполне верна. Благодаря формализмам речи 1920–1930-х гг.

и субъективному неприятию работника заводской администрации с партбилетом в кармане — работников технических отделов, такой важной бумагой не обладавших, усиливается ощущение производственного конфликта. Так или иначе, нельзя не согласиться с тем, что такое противопоставление действительно имело место. В новой советской фабрике было очень много от старой — это касалось не только некоторых порядков, но и конкретных личностей.

С этой точки зрения завод им. Козицкого является отличным образцом для исследования «двух миров», сосуществовавших на советском заводе.

Представляемый документ является списком техников и служащих завода им. Козицкого с краткими биографическими справками, характеризующими работников и возможность замены их рабочими выдвиженцами. Важно отметить, что этот документ отнюдь не предрешал судьбу перечисленных в нем лиц — об этом говорят внесенные от руки исправления и пометы (эти места выделены курсивом). Внесенные исправления говорят о том, что к корректуре текста подготовленного комиссией документа приложили руку еще по крайней мере два человека, один из них использовал карандаш, другой — черные чернила (оговаривается в подстрочнике).

Приложение

Список должностей завода им. Козицкого, рассмотренных для назначения выдвиженцев из рабочих

31 октября 1929 г.

- 1) Должность технического директора завода — оклад содержания 600 р. в месяц. Заменен рабочим выдвиженцем [быть] не может, т[ак] к[ак] требует высшего образования.

В настоящем означенную должность занимает инженер Витенэк Э. Я., на заводе служит с 1914 г. В смысле технических знаний — вполне компетентен. Должности своей соответствует. Политически настроен лояльно.

- 2) Техник-рационализатор — оклад содержания 132¹⁶, рабочим выдвиженцем заменен может быть, но ввиду незначительности оклада содержания из рабочих навряд ли кто согласится пойти.

В настоящем означенную должность занимает гр. Удальцов С. А., б[ывший] подпоручик, командир Кубанского полка, командовал полком у Колчака. Технического образования и стажа не имеет. Политическая физиономия скрытна¹⁷. Бюрократичен. Есть взыскания за нарушение трудовой дисциплины.

- 3) Зав. экономическим отделом — оклад содержания 342¹⁸ р. На означенную должность рабочего выдвиженца назначить нельзя, т[ак] к[ак] нужно специальное образование.

В данном случае означенную должность занимает гр. Морозов К.К. с 31/Х-1928. В прошлом занимал ряд ответственных должностей. Был членом ВКП(б). Причины выбытия из партии неизвестны. Неоднократно привлекался к судебной ответственности. Также по неизвестной причине — не член [проф]союза. Уже в бытность в Ленинграде был привлекаем к ответственности за антисемитскую выходку со штрафом в 300 р. Вообще, имеет подозрительное прошлое, меняет места службы.

Как специалист ценный работник. Работу на заводе поднял на должную высоту.

- 4) Должность экономиста с окладом содержания в 144 р. также не может быть заменена рабочим выдвиженцем по причине требования этой должности — высшего экономического образования.

В данном случае означенную должность занимает гр. Рутчек, молодой специалист, недавно получивший высшее образование, с налагаемыми на него обязанностями вполне справляется.

- 5) Ответственный кладовщик. Оклад содержания 139 р. 50 к. в месяц.

В данном случае Шмидт. Беспартийный. Бюрократичен. Может быть заменен рабочим выдвиженцем, знающим складское дело.

- 6) Ответственный кладовщик. Оклад содержания 139 р. 50 к. в месяц.

В данном случае означенную должность занимает гр. Ваншейдт. Беспартийный. Может быть заменен рабочим выдвиженцем, знающим складское дело.

- 7) Ответственный кладовщик Виноградов.

Тоже.

- 8) Главный бухгалтер. Зарплата 360 р. По занимаемой должности должен быть специалист, почему рабочим выдвиженцем заменен не может быть.

В настоящее время означенную должность занимает Волчанский. Как специалист — ценный работник и работу отдела выправил. Отношение к власти и партии доброжелательное.

- 9) Пом[ощник] главного бухгалтера — должность как требующая специальности и практики рабочим выдвиженцем заменена не может быть.

В данном случае ее занимает гр. Шефер И.И. Старый работник завода. Замена желательна, но равноценным работником-специалистом. Ценен только тем, что за много лет службы хорошо знает производство.

- 10) Зав. материальным подотделом бухгалтерии. Оклад содержания 180 р. Рабочим выдвиженцем должность использована быть не может, т[ак] к[ак] требует и специальности, и большого навыка в работе.

В данном случае ее занимает бухгалтер Казуков. Кандидат ВКП(б). Ответственный.

- 11) Зав. бюро техпроизводственного учета. Оклад содержания 288¹⁹ р. Был инженер, в настоящем заменен рабочим выдвиженцем.

- 12) Бухгалтер. Оклад содержания 121 р. 50 к. Рабочим выдвиженцем заменить нельзя, т[ак] к[ак] нужна специальность.

В данном случае на этой должности бухгалтер Обухов из гардемарин, морской офицер. На службе проявляет себя как общественник с хорошей стороны, участвует в кружках, был профуполномоченным, в настоящем — член *ревкомиссии*²⁰ завкома. К работе относится добросовестно.

- 13) Зав. цехконторой — оклад содержания 139 р. 50 к. Рабочим выдвиженцем заменить нельзя, можно произвести замену рядовым хорошим счетоводом.

В настоящем на этой должности гр. Шиман. Сын заводчика, находящегося за границей, и поддерживающий связь с отцом и по настоящее время. Подал заявление о вступлении в партию, ходатайство отклонено. Как работник аккуратный и исполнительный.

- 14) Зав. цехконторой — оклад содержания 139 р. 50 к. По тем же причинам заменен выдвиженцем не может быть.

В настоящем на этой должности гр. Караморин. Как работник аккуратный и исполнительный. Взгляды обывательские.

- 15) Пом. бухгалтера. Оклад содержания 121 р. 50 к. По тем же причинам заменен не может быть.

Сейчас эту должность занимает Васильев. Недавно назначенный, старательный, исполнительный и аккуратный работник.

- 16) Зам. заведующего отделом экономики труда.

В данном случае на этой должности инженер Голлербах Л. Ф., как горный инженер работает не по специальности, может быть заменен молодым специалистом, но не выдвиженцем, т[ак] к[ак] рабочим выдвиженцем является зав. отделом.

- 17) Экономист. Зарплата 168 р. в месяц. Рабочий выдвиженец обязанности экономиста выполнить не сможет.

В данном случае ее занимает молодой специалист с высшим образованием Голлер (подает надежды) которого можно выдвинуть на должность пом. заведующего о[тдела] э[кономики] т[руда]. Поручаемые ему общественные нагрузки выполняет с охотой.

- 18) Инструктор по нормированию. Зарплата 240 р. в месяц. Должность может быть заменена хорошим квалифицированным рабочим без ущерба для дела.

В настоящем ее занимает не пользующийся у рабочих популярностью Новичков, на которого уже было постановление райкома о снятии с работы.

- 19) Нормировщик. Зарплата 222 р., с успехом может быть заменен рабочим выдвиженцем, т[ак] к[ак] в настоящем на этой должности гр. Едисеев, который как работник и подходящий, *но*²¹ — б[ывший] штабс-капитан *Красной армии*²².

- 20) Нормировщик. Зарплата 204 р., также может быть заменен рабочим, т[ак] к[ак] ее занимает в настоящем б[ывший] поручик Тюленев В. П.,

не обладающий достаточными знаниями по линии о[тдела] э[кономики] т[руда]. *Проверить*²³.

21) Зав. отделом предварительной калькуляции. Оклад содержания 300 р. В данном случае инженер Персианов — строитель, никогда не работал по калькуляции. Должность занимает не по специальности. Может быть заменен, но не рабочим выдвиженцем, а специалистом-калькулятором. *С работой справляется*²⁴.

22) Конструктор. Зарплата 222 р., в настоящее время ее занимает бывш[ий] штабс-капитан Фомичев, должность может быть заменена молодым специалистом. *Работает неплохо*²⁵.

23) Техник. Зарплата 186 р., в настоящем на означенной должности находится гр. Величко Н. А., может быть заменен молодым специалистом. *Б[ывший] офицер*²⁶.

24) Зав. техноконтролем завода. Оклад содержания 378 р. Рабочим выдвиженцем заменить нельзя, т[ак] к[ак] по должности требуется специальное образование.

В данном случае на этой должности инженер Сапельков, который может быть заменен только специалистом. Замена желательна, т[ак] к[ак] со стороны Сапелькова мало проявляется инициативы. *Неверно*²⁷.

25) Мастер 53 отдела. Зарплата 240 р.

В данном случае Венегер, как специалист телефонного дела, какого производства у нас нет, к тому же лишенец как пастор. Должен быть заменен квалифицированным выдвиженцем²⁸.

26) Мастер 62 отдела. Оклад содержания 264 р.

Старый мастер, работавший еще у «Сименс и Гальске», у рабочих авторитетом не пользуется. В данном случае Рубенс М. П. Безынициативен. Неэнергичен. Пассивен и к работе, и в настроениях к партии, и к мероприятиям соввласти²⁹.

27) Зав. подотделом приемников. Оклад содержания 264 р. В данном случае Романовский, может быть заменен молодым специалистом.

28) Колосов К. Н. Старший конструктор. Оклад содержания 321 р. Б[ывший] офицер, может быть заменен только специалистом — инженером.

29) Старший конструктор. Оклад содержания 312 р. В данном случае инженер Болтунов, может быть заменен только специалистом.

30) Пом. старшего конструктора. В данном случае Иванов Н. А., б[ывший] офицер. Оклад содержания 264 р., может быть заменен только специалистом.

Председатель комиссии: *Воробьев*

Члены комиссии: *А. Нагорнов*

Егоров

ЦГА СПб. Ф. 1324. Оп. 7. Д. 21. Л. 79 — 81 об. Машинопись, автограф.

- ¹ XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1926. С. 134–135.
- ² Правда. 1929. 3 ноября.
- ³ Правда. 1929. 19 ноября.
- ⁴ Бюллетень по учету труда. М., 1932. С. 34.
- ⁵ Правда. 1929. 19 ноября.
- ⁶ Правда. 1929. 3 ноября.
- ⁷ Правда. 1929. 26 ноября.
- ⁸ Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 160–161.
- ⁹ Правда. 1929. 6 ноября.
- ¹⁰ См. подробнее: Казанцев Б. Н. Материалы государственных, партийных и профсоюзных органов о причинах и формах протестных выступлений работников промышленности, строительства и транспорта в 1930-х — 1940-х гг. (по фондам ЦА ФСБ РФ, ГА РФ, РГАСПИ и РГАЭ) // Трудовые конфликты в СССР. 1930–1991. М., 2006. С. 48–49.
- ¹¹ Список фабрично-заводских предприятий Петрограда (По данным на апрель 1918 г.). Пг.: Статотдел СНХСР, 1918. С. 48.
- ¹² Отчет комиссии по личному составу завода им. Козицкого о возможности замещения должностей выдвиженцами из рабочих // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 1324. Оп. 7. Д. 21. Л. 78.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Ср. с мыслью Л. М. Кагановича: «Мы здесь имеем усыпление бдительности со стороны ряда хозяйственников-коммунистов. Раз, дескать, работать дружно со специалистами — значит нужно доверять им в полной мере, в том числе и вредителям. А во-вторых, — и это мы должны честно и прямо сказать, по-большевистски, на то мы и большевики — мы здесь имеем проявление нашей малограмотности. [Коммунист-партиец] рад бы понять, да не может» (Правда. 1929. 26 ноября).
- ¹⁶ Исправлено черными чернилами вместо зачеркнутого «332».
- ¹⁷ Так в тексте.
- ¹⁸ Исправлено черными чернилами вместо зачеркнутого «368».
- ¹⁹ Исправлено черными чернилами вместо зачеркнутого «264».
- ²⁰ Вписано в текст документа черными чернилами.
- ²¹ Вписано черными чернилами вместо зачеркнутого «но является чуждым для нас элементом».
- ²² Вписано в текст документа простым карандашом.
- ²³ Вписано в текст документа простым карандашом и выделено двойным подчеркиванием.
- ²⁴ Вписано в текст документа черными чернилами.
- ²⁵ Вписано в текст документа простым карандашом.
- ²⁶ Вписано в текст документа черными чернилами.
- ²⁷ Вписано в текст документа простым карандашом и обведено в кружок.
- ²⁸ Данные 25-го пункта перечеркнуты одинарной чертой простым карандашом.
- ²⁹ Данные 26-го пункта перечеркнуты одинарной чертой простым карандашом.

References

- Spisok fabrichno-zavodskih predpriyatij Petrograda (Po dannym na april' 1918 g.)* [List of factories and plants of Petrograd (According to data from April 1918)]. Petrograd, 1918.
- Trudovye konfliktiy v SSSR. 1930–1991.* [Labor conflicts in the USSR. 1930–1991]. Moscow, 2006.

CHUJKINA S. A. *Dvoryanskaya pamyat': "byvschie" v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30-e gody)*. [Noble memory: "former" in the Soviet city (Leningrad, 1920–30s)]. St. Petersburg, 2006.
XIV s"ezd VKP(b). Stenograficheskij otchet. [XIV Congress of VCP(b). Verbatim report]. Moscow, 1926.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. М. Сапронов. О «наиболее узком из всех узких мест» плана Первой пятилетки: к вопросу о дефиците кадров и «чистках» на советских заводах // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 68–79

Аннотация: Интенсивное восстановление советской промышленности в годы нэпа и переход к развитию согласно первому пятилетнему плану привели в целом к замечательным экономическим успехам. Однако вместе с достижениями накапливались также дефициты и хозяйственные противоречия, ярким проявлением которых стал острый дефицит квалифицированных кадров для расширившихся старых и построенных новых промышленных гигантов. Нехватка «спецов» накладывалась на сталинскую «культурную революцию», которая усугубляла проблемы, перелagая ответственность за просчеты и безхозяйственность на местах на квалифицированных инженеров и фабрично-заводских служащих — выходцев из привилегированных слоев «старой» России. Публикация архивного документа, посвященного «чисткам» квалифицированного персонала на ленинградском заводе им. Козицкого, должна проиллюстрировать массовую кампанию среди партийного, советского и фабрично-заводского аппаратов, охватившую весь СССР.

Ключевые слова: российская экономика, экономическая история, Первая пятилетка, советская промышленность, индустриализация, экономическое планирование.

FOR CITATION

I. M. Saproнов. On "the narrowest of the bottlenecks" of First five-year plan: To the question of personnel shortages and "Purges" at the Soviet plants // Petersburg historical journal, no. 3, 2020, pp. 68–79

Abstract: The intensive recovery of Soviet industry during the *NEP* and the transition to development according to the first five-year plan led to remarkable economic success. However, along with the achievements, deficits and economic contradictions had been also accumulated. A striking manifestation of these processes was the acute shortage of qualified personnel needed for the expanding old and newly built industrial giants. The lack of "specialists" was superimposed on the Stalinist "cultural revolution", which exacerbated the problems, shifting responsibility for miscalculations and mismanagement on the shoulders of qualified engineers and factory clerks who had come from the privileged segments of "old-times" Russia. The publication of an archival document on the "purges" of qualified personnel at the Leningrad Kozitsky's plant should illustrate the mass campaign among the party, Soviet and factory apparatuses that had covered the entire USSR at the time.

Key words: Russian economy, economic history, First five-year plan, soviet industry, industrialization, economic planning.

Автор: Сапронов, Игорь Михайлович — главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

Author: Saproнов, Igor M. — chief archivist of Central State Archive of St. Petersburg.

E-mail: igorsapronov@gmail.com